

Беляев Дмитрий Анатольевич

РЕЛИГИОЗНО-СЦИЕНТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В "ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА" Н. Ф. ФЕДОРОВА

В статье рассматривается оригинальный взгляд Н. Ф. Федорова на идею сверхчеловека. Приводятся критические замечания мыслителя относительно концепции сверхчеловека Ф. Ницше, которой отечественный философ противопоставляет свой, основанный одновременно на религиозных и естественно-научных основаниях, проект сверхчеловека и сверхчеловечества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 31-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008.2

В статье рассматривается оригинальный взгляд Н. Ф. Федорова на идею сверхчеловека. Приводятся критические замечания мыслителя относительно концепции сверхчеловека Ф. Ницше, которой отечественный философ противопоставляет свой, основанный одновременно на религиозных и естественно-научных основаниях, проект сверхчеловека и сверхчеловечества.

Ключевые слова и фразы: сверхчеловек; бессмертие; смерть; «философия общего дела»; Ницше; христианство.

Дмитрий Анатольевич Беляев, к. филос. н.
Кафедра философии и социально-политических теорий
Липецкий государственный педагогический университет
citadel-i@mail.ru

РЕЛИГИОЗНО-СЦИЕНТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В «ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА» Н. Ф. ФЕДОРОВА[©]

С изданием в 1885 г. работы «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше вводит в философский и общекультурный дискурс понятие «сверхчеловек», которое становится объектом рефлексии и множественных семантических интерпретаций. Однако, как справедливо отметил Б. Шоу, сверхчеловек, в сущности, является «ровесником Прометея» [5, с. 479]. Его образ в самых разнообразных инвариантах присутствует в культуре на всех этапах ее развития. Культурное «говорение» о сверхчеловеке, безусловно, далеко не всегда сопряжено с использованием самого этого понятия, и зачастую используется иная терминология, однако смысл – создание проекта-идеи лучшего человека (а вместе с ним, в ряде случаев, и общества, культуры) – остается неизменным.

В конце XIX – начале XX в. идея сверхчеловека оказалась чрезвычайно востребована, т.к. в ней многие видели мощный обновленческий импульс, потребность в котором все более нарастала в европейской культуре того времени. Через раскрытие этой идеи некоторые мыслители начинают строить проекты, где конструируют инварианты новой антропологии и аксиологии человека. Все это уже в XX столетии оказывает существенное влияние на стратегии развития человечества и меняет ценностное пространство культуры. Поэтому для адекватного понимания современной культуры и ее ценностной матрицы считаем необходимым и научно обоснованным обращение к отдельным наиболее заметным концепциям сверхчеловека. В этой связи особый интерес для нас представляют идеи отечественных мыслителей, в частности Н. Ф. Федорова, являющегося оригинальным и самобытным мыслителем, многие воззрения которого были неоднозначно восприняты интеллектуальным сообществом в начале XX в., но, доказав свою жизнеспособность, оказались востребованы уже в начале XXI столетия.

Н. Ф. Федоров стал первым отечественным философом, начавшим эксплицитное размышление о сверхчеловеке. Русский мыслитель, как и многие после него, отталкивался в своих рассуждениях именно от теории сверхчеловека, которую представил Ницше, оппонируя ей. Федоров заявлял, что «сверхчеловечество может быть и величайшим пороком, и величайшей добродетелью» [3, с. 275]. Поэтому фактически идеи отечественного философа относительно концепта сверхчеловека распадаются на две составляющие. Федоров, во-первых, оценивает ницшеву концепцию сверхчеловека, а во-вторых, выстраивает свой проект сверхчеловека и сверхчеловечества, которые являются непосредственной составляющей его философской, религиозно-сциентической концепции.

Русский мыслитель чрезвычайно критически настроен как по отношению к философии немецкого философа в целом, так и идеи сверхчеловека в частности. Федоров непреклонен и бескомпромиссен в однозначно негативной оценке образа сверхчеловека, созданного Ницше. Причем в реакции отечественного мыслителя, передающейся через стиль, форму и саму лексику говорения о Ницше, явно прослеживается глубокое личное неприятие его философии. Федоров пытается бороться с Ницше его же оружием – яркой, эмоциональной речью, порой переходящей границы корректного научного диспута. Он называет немецкого философа «наглым, невыносимым болтуном» [Там же, с. 262], который «не создает ничего, кроме пошлых отрицаний» [Там же, с. 291], приходя к выводу, что все ницшеанство строится на внешних эффектах яркости слова, афористичности, парадоксальности и резкости, за которыми скрывается философская и духовная незрелость Ницше. Федоров утверждает, что «Ницше стал воплощением умственной пустоты и нравственного бесплодия» [Там же, с. 290].

Федоров утверждает, что ницшеву сверхчеловеку «достойно называться не *Uber*, а *Untermensch*’ем» [Там же, с. 259], т.е. не «сверх», а «ниже (под)-человеком». Отечественный мыслитель отчасти принимает критику Ницше относительно того, что люди в массе своей пассивны и бездеятельны, в них нет высшей деятельной устремленности, однако весь пророческий пафос «самозваного учителя человечества – Заратустры» [Там же, с. 260] – ведет, по мнению русского философа, лишь к новым брутально-нигилистическим миражам и язычески-эстетским иллюзиям. Поэтому, делает вывод Федоров, «легко понять, как тяжело человеку, жаждущему дела, читать болтовню Ницше» [Там же, с. 262].

Ницшеанский сверхчеловек не сумел преодолеть, по мнению Федорова, главного – смерть, и в этом «огромном сходстве» он подобен всем живущим. При этом он ошибочно принимает «свое маленькое несходство за превосходство и громко кричат о нем» [Там же, с. 260]. Этот «лучший человек», с точки зрения

отечественного философа, утверждает свою сверхчеловечность через «унижение *себе подобных* до уровня *скотов*» [Там же, с. 263], что делает его самого «*зверем*».

Вообще, само осмысление факта человеческой смертности, ее причин и истоков, ее бытования в контексте христианской религии становятся центральными темами для философско-религиозно-сциентической рефлексии Федорова. Вся критика Федоровым идей Ницше исходит из его «философии общего дела», в рамках которой постулируется идея всеобщего, объединяющего перманентного деяния в угоду «абсолютно благой цели» – посюстороннему преодолению смерти и воскрешению «отцов». И русский мыслитель говорит вовсе не о духовно-идеальном бессмертии, идея которого характерна для традиционного христианства. Философ во многом неожиданно для своих современников утверждает необходимость достижения материально-физического, физиологического бессмертия.

Интересно, что логика апологетики данной идеи основывается Федоровым на христианской текстологической базе. Он вполне справедливо указывает на то, что согласно Евангелию воскресение Иисуса Христа произошло не только на уровне «духа», но и «тела». И это особенно важно в контексте двойкой (Божественной и Человеческой) сущности Иисуса. Пример Спасителя Федоров экстраполирует на все человечество, считая его не единичным «чудесным явлением», а указанной перспективной целью для каждого человека. Однако, считает философ, люди и вся последующая христианская традиция совершили «грех неверия», лишив себя возможности последовать по стопам Иисуса, а значит, и лишив себя истинной веры во Христа. «Не отделяя воскресение Христа от нашего, от всеобщего воскрешения, вину невоскрешения мы должны приписать себе, как и вину удаления Христа от земли» [2, с. 97].

Федоров полагает, что всеобщая устремленность (и ее реализация) людей к физическому бессмертию есть точка возврата к изначальному учению Христа. «Сын же Человеческий, воскресши Сам, и всех призвал к участию в деле воскрешения» [3, с. 263]. Достижение бессмертия станет моментом преобразования, принципиального изменения сущности и процесса существования человека, тем самым отечественный мыслитель утверждает главный предикат своего *нового, лучшего* человека – сверхчеловека.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что Федоров настаивает именно на *всеобщем* достижении бессмертия. Любая избранность, особость в этом смысле ведет ко злу. В частности, по этому пункту он и критикует ницшева сверхчеловека, который явил пример эгоистической обособленности. Федоров считал, что бессмертие, являющееся только лишь избирательной привилегией, есть проявление «величайшего эгоизма» [Там же, с. 279]. Русский мыслитель допускает возможность избирательного достижения бессмертия, но это будет лишь причиной умножения разлада среди людей и в конечном счете зла. В этом случае сверхчеловечество трактуется им как «безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превозношении одного или нескольких лиц над себе подобными... Оно становится наивысшим пороком, когда доходит до присвоения себе бессмертия как привилегии... Сверхчеловечество уже и в этом смысле (как привилегированное право на бессмертие) есть порок и нравственный, и умственный» [Там же, с. 275].

Однако сверхчеловечество может быть и «величайшей добродетелью». Мыслитель прямо утверждает: «...и христианство знает сверхчеловека, то есть нового человека, возрожденного водою и духом; но это – возрождение для вечной жизни, так как возрожденное освобождено от греха, причины смерти. Сверхчеловечество будет не в мистическом, а в материальном смысле воскрешением и бессмертием» [Там же, с. 261-262]. То есть отечественный мыслитель не останавливается на идее необходимости достижения физического бессмертия, что уже весьма смело для человека, находящегося в контексте христианской традиции, а утверждает, что путь к бессмертию лежит вовсе не через совершенствование различных духовных практик, в области мистики и идеального, а через науку. Человек, совершенствуясь в науке, должен в конечном счете *изобрести*, открыть способ стать бессмертным. Федоров считает «естественным долгом всех разумных существ» подчинить разумному управлению слепую силу природы, «стихийно рождающей и умерщвляющей» [Там же, с. 275].

Следует понимать, что для Федорова эта устремленность к физическому бессмертию является важной каркасной частью «храма», который призван собрать под своей «крышей» всех людей. Бессмертие, по мысли русского философа, становится универсальной всеобъединяющей идеей и целью. Обретение бессмертия есть важный шаг на пути к Богу. Федоров прямо связывает идею тотальной разобщенности человечества с его смертностью [2, с. 96]. То есть идея бессмертия у отечественного философа глубоко гуманистична и одухотворенна.

Как вся «философия общего дела» Федорова, так и его идея о сверхчеловеке и сверхчеловечестве воспринимаются неоднозначно и в чем-то противоречиво. С одной стороны, сверхчеловек – это человек, постулирующий свою принадлежность к христианской вере и тяготеющий к глобальной, активно-деятельной общности с другими людьми. Эти христианские корни сверхчеловека и стремление к коллективности можно признать продолжением традиционной русской идеи растворения индивидуально человеческого в общинном, с последующей устремленностью к божественному. С другой стороны, объединяет их весьма оригинальная для традиционного христианства цель – стремление к физическому бессмертию и воскрешению всех предков. При этом главную роль в достижении этих целей будет играть человеческий разум и его порождение – наука.

Эти идеи Федорова оказались в его время многими не поняты и, соответственно, не приняты. Уж слишком большой диссонанс вызвала его попытка «скрестить» религию и фантастически-научные проекты-мечтания. Даже те немногие, кто принимали федоровские идеи о бессмертии и воскрешении, все же трактовали их больше символически. Однако достижения науки начала ХХI в. позволяют говорить о том, что «мечтания» русского философа имеют перспективы хотя бы частичного осуществления. По-своему Федоров

опередил свое время, сциентическая компонента его сверхчеловека, оставшаяся непонятой современниками, оказалась востребована в рамках течения трансгуманизма, возникшего в 90-е года XX века.

Были у русского мыслителя и современники-продолжатели. К ним можно отнести К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского. Здесь идеи Федорова следует рассматривать уже как часть концепции научного космизма, в котором также присутствовала идея сверхчеловека, предполагающая необходимость и практическую возможность антропологической эволюции настоящего человека, с его выходом на качественно иной сверхуровень существования. Так, например, Вернадский полагал, что «*Homo sapiens* не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее» [1, с. 75]. А К. Э. Циолковский считал, что в перспективе человечество перейдет к «управляемой эволюции», с помощью которой станет возможным прогрессивное улучшение антропологических характеристик человека [4, с. 267].

Философия и идеи о сверхчеловеке Федорова дают нам выход как в новейшее сциентически ориентированное пространство пост- и трансгуманизма, исследующее физиологическую эволюцию человека, так и в область религиозно-духовных христианских и постхристианских практик, рассматривающих вопросы этики и духовности в контексте современной техногенной цивилизации.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
2. Федоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2-х т. М.: АСТ, 2003. Т. 1. 699 с.
3. Федоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2-х т. М.: АСТ, 2003. Т. 2. 592 с.
4. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 448 с.
5. Шоу Б. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Гослитиздат, 1956. 736 с.

RELIGIOUS-SCIENTIFIC PROJECT OF OVER-MAN IN N. F. FEDOROV'S "COMMON CAUSE PHILOSOPHY"

Dmitrii Anatol'evich Belyaev, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social-Political Theories
Lipetsk State Pedagogical University
citadel-i@mail.ru

The author considers the original N. F. Fedorov's view on the idea of over-man, gives the thinker's critical remarks on F. Nietzsche's over-man conception to which the native philosopher opposes his project of over-man and over-mankind basing on both religious and natural-scientific grounds.

Key words and phrases: over-man; immortality; death; "common cause philosophy"; Nietzsche; Christianity.

УДК 327(091)“20”

В статье рассматривается вопрос участия СССР и США в борьбе за контроль над мировыми ресурсами нефти. Приведены конкретные примеры противостояния мировых лидеров в нефтяных войнах второй половины XX века. Показана современная военно-политическая ситуация, связанная с проблемами мировой нефтеторговли.

Ключевые слова и фразы: советско-американское противостояние; нефтяные войны; война во Вьетнаме; ирано-иракская война; Персидский залив.

Алексей Михайлович Бирюков, к.и.н., доцент

Кафедра истории

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

alexbrk@mail.ru

АМЕРИКАНСКИЕ И СОВЕТСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В НЕФТЯНЫХ ВОЙНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА®

История XX века может в значительной степени рассматриваться как история войн – войн самых разных и по продолжительности, и по масштабу, и по месту – достаточно упомянуть две мировые войны. Войны глубоко затрагивали все сферы существования воюющих государств, но при этом имели свою специфику, что позволяет группировать их по нескольким категориям.

Известно, что в типизации войн XX века часто применялись мотивы идеологического характера, что проявилось, например, в советском делении войн на «справедливые» и «несправедливые» [5, с. 334]. Конечно,